

Да здравствует «шмель»!

Впервые в истории поселка в этом году первое сентября школьникам передалось седьмое число. Причиной отсутствия электроснабжения, вызванное отсутствием дизтоплива для электростанции. Перебои со светом к этому времени были в поселке уже не новостью. — В последние лета отключения не редкими, но кратковременными. С наступлением нового года образ жизни всего поселка не просто изменился, а стал неким единым для всех ритмом, регулируемым графиком подачи электроэнергии. Дважды в сутки — утром и вечером — октябрыцы имеют возможность приготовить еду, заготовить кипяток для этой цели в каждой семье столько термосов, сколько удалось достать; поглаживать, пройтись пылесосом по ковру, посмотреть телевизор, прокрутить белье в стиральной машине...

Впрочем, стоит ли переживать все, что может хотя бы частично сделать с помощью электрической энергии? Только всего этого не одолеть в те несколько часов, что отпущены для хранения цивилизации. И лишь редко кто в поселке имеет возможность себе позволить пойти в гости, не рискуя к тому же огорчить владельцев, у которых даже при всей любви к общению с друзьями все помыслы направлены на хозяйственные заботы. Режим подачи энергии менялся — поначалу «светлые» периоды были короткими, иной раз вообще отсутствовали. Потом это дело стало упорядочили, и теперь утром с шести до восьми можно спокойно, не опасаясь подвоха, потреблять электроэнергию; вечером же гарантировано с шестью часами, ну а отключаются как, иногда повезет, и до одиннадцати поселки живут. В выходные народки пожить красиво — девять утра до самого вечера, только периодически выключают электричество, но сравнении с суровыми буднями это уже как праздник. Впрочем, давая гарантию электроснабжения, местные власти хозяйственники идут на огромный риск. Ведь что произошло на День автомобилиста? Бензовоз с дизтопливом вышел в пятницу с нефтебазы, и исчез. Субботу и воскресенье поселок сидел без света, тепла и воды, а в понедельник, целый и невредимый, прикатил бензовоз. Все это время он, оказавшись мирно стоял во дворе своего хозяина, ожидая, пока отпразднует свой профессиональный праздник. Конечно, не его жена и не его дети оказались в двухдневной монаде, да и не он сам, как стати говоря.

Все это не могло не повлиять на уклад жизни октябрыцев. Проявляются изменения порой самым неожиданным, казалось бы, образом. Например, в магазине не увидишь хозяйку, которая набивает килограммами масло или сало, как это делают горожане в предвкушении повышения цен. А ведь все просто: на холодильник рассчитывать не приходится в «новых» экономических условиях, а за окном — ненадежно.

Но, пожалуй, самой популярной новинкой сезона в Октябрьском стал «шмель». Вообще, обычному человеку — не туристу, не геологу и не жителю пос. Октябрьский — довольно непросто объяснить словами, что такое «шмель». Ну, если примитивно — то это такое приспособление, на котором можно готовить пищу в «долевых»

условиях. В условиях же квартиры его применение требует не только специальных навыков, но и немалого присутствия духа. Да и то не всем это помогает. Несколько квартир уже были на грани пожара, благо хозяева, мгновенно прикинув какой урон им принесет огненное бедствие, решились на минимальные убытки — швыряли драгоценные «шмели» на улицу прямо через стекло. Жизнь в Октябрьском теперь всегда с острыми ощущениями и готовностью к риску. Нравится это или нет, а приходится приспосабливаться. Ведь детский сад не работает — плата слишком высока, и детей в группах набиралось настолько мало, что завод вынужден был

новлено, по 30 копеек за киловатт. — Вот вчера я сказал, что дизтопливо нам обходится в 26 тысяч рублей за тонну. Это неправда, — в субботу сказал мне Николай Григорьевич и протянул телеграмму. В ней сообщалось, что с первого ноября тонна стоит уже 40 тысяч рублей. При старых ценах, работая более-менее стабильно в течение года, завод еще мог, хоть и с натугой, нести огромные расходы по социально-бытовому обслуживанию поселка. Но сегодня эта нота уже непосильна, даже исходя лишь из уровня цен и темпов их роста. А кроме того, этот год в истории завода тоже необычен — 30 процентов своей годовой про-

тона рыбы, причем по некоторым видам перевыполнение просто сказочное — минтая добыли на пять планов. Навага, треска, бычок — все с избытком. А завод без сырья. Колхозник говорит: мне невыгодно заходить в устье для сдачи, я трачу время и топливо, да еще стою и жду, пока тут примут. Логика, конечно, в этом есть, да только ведь по договору он обязан поставлять сырец заводу. Более того, на этот год колхоз имел в этом смысле такие смелые замыслы, что завод не стал брать себе лимиты, рассчитывая на обещанное. Колхозник говорит: пусть завод не обижается, но ведь топлива он мне не дает — так я сдам сырец тем, кто меня «подкормит». Ло-

ние поселка обеспечивали Южные электросети — то часть проблем с повестки дня будет снята. Но не все. Взять завод. Чтобы выпускать доступную по ценам потребительскую продукцию — нужны хорошие оборудование и хорошие технологии. Чтобы они были — нужны доллары. Чтобы были доллары — нужна хорошая продукция. СП «Актай», конечно, в этом направлении поможет, но опять же лишь частично. И то, что томатную группу заменили натуральными консервами, тоже даст не так много. Особенно если покупать, например, горбушу в Океанрыбфлоте по 70 рублей за килограмм. «Золотым» консерв станет. Вернее, уже «золотой». Еще бы купил его кто.

Конечно, перемены будут и не все к худшему. Так, Н. Г. Печурин уверяет, что скоро будет на заводе сырец — договора уже прорабатываются. Да и завод будет уже не заводом, а акционерным обществом. Коллектив решил идти по первому варианту акционирования, и как будто бы, остались только формальности. К изменениям готовится и колхоз. Правда, у государства собственность выкупить колхозникам не нужно, она и так им принадлежит. Но у них сейчас задача — рассчитать паи. Колхозники станут пайщиками и, выходя из колхоза, смогут получить свою долю собственности — но, видимо, в денежном эквиваленте. Что это изменит в психологии людей? Не знаю. Может быть, не окажется я свидетелем одного эпизода, впечатление о командировке было бы более оптимистичным. Но... В тот день колхозная электростанция дожигала последний соляр — оставалось на час работы. Главный инженер договорился на заводе о тонне солярки взаймы — топливо уже везли из города, задача была одна: продержаться до прибытия бензовозов. От колхоза требовалось только гарантийное письмо, доставку завод брал на себя. Как назло, у колхозной конторы, в гараже ни одной машины. Только одна легковушка-частная «своя» рыбак по делам заехал. Вроде уговорили отвезти кладовщицу с письмом на завод, посулив, что она не раз потом добром ему оплатит. Вскоре едет «наш» рыбак навстречу. «Отвез?» — без тени сомнения спрашивает главный инженер. «Нет. Я подумал — а на что мне ее благодарности?»

Вот так, читатель, бывает. Для себя, для своего колхоза не захотел человек сделать элементарное дело. Как он будет жить? Не знаю, но убеждена: если так мы будем жить, то жить будем плохо.

Но, может быть, мы будем жить по-другому? Ведь можем, когда захотим. Вот Анатолий Иванович Белошапко столько лет колхозу отдал, а сейчас взял «отступного» на год и арендовал девять гектаров земли. Собирается картошку, капусту выращивать, бычков завести. Иручить, рассказывал, будь здоров. Но зато сколько уже сделал. А сколько еще сделает?

Ну, а как мы будем жить — решайте, читатели, сами. У каждого из нас есть выбор.

Е. ФЕДОРЧЕНКО.
пос. Октябрьский —
Петропавловск.

ДО И ПОСЛЕ СОЦИАЛИЗМА

СТОИТ НА КОСЕ ПОСЕЛОК

просто его временно закрыть. А дети хотят есть не только утром и вечером, но и днем. Школьников прикармливают в школе, а домашние дошколята могут рассчитывать только на собственных родителей. И те ради любимых чад готовы сражаться не то что со «шмелем» — с терминатором.

Как будем жить дальше? — этот вопрос в прошлую пятницу на общем поселковом сходе звучал не раз. Но кто на него может ответить? Ответа ждали прежде всего от директора Октябрьского рыбоконсервного завода Николая Григорьевича Печурина. То, что он рассказывал землякам, можно было бы расценить и как перспективу завтрашнего дня, но всем хотелось видеть в его словах только информацию. Не к размышлению. Не для выводов. Просто голую информацию, потому что она не очень-то радостная.

Выгодно — невыгодно

НО ЕСЛИ любой поселянин может доверчиво переложить свои заботы и грехи на «начальников», которых за это платят деньги, Н. Г. Печурин не только не может поступить аналогичным образом — он в этом поселке отвечает почти за все. Кто и когда узаконил этот ненормальный порядок, когда рыбозаводы на побережье содержат не только себя, но и весь комплекс жилого поселения, не знаю. Но если когда-то это и было оправданно, то сейчас — ни в коем случае. Октябрьский РКЗ, чтобы поселок мог круглосуточно жить полноценно и полноправно, должен расходовать 15 тонн соляра в сутки, не считая мазута — 24 тонны, и угля — до 30 тонн. А тонну солярки завод покупал в октябре по 26 тысяч рублей. Население же платит, как и уста-

граммы сделал РКЗ за десять месяцев года. Оставшиеся два месяца никоим образом не нормализуют положение. Главный цех завода — консервный — остановлен. Вообще же работает, в сущности, только ликвидный цех. Всем желающим дали очередные отпуски, даже если это второй в течение года; всем желающим дают отпуски без содержания; остальные приходят отмечаться каждый день и получают по простоящему тарифу — 30 рублей в смену. В месяце, если грубо прикинуть, 900 рублей. «Да и те еще получить надо», — говорит моя попутчица в автобусе, работница консервного цеха. — За август зарплату дали, а в сентябрьской даже и не мечтаем. Как зарабатываем? А кто как. У нас в цехе от 8 до 20 тысяч получали. Но у нас каждый за себя, каждый сам. Лучше всего на личном зарабатывают — они бригадным методом, у них как-то дружной выходит работа. Нам бы тоже лучше бригадно, да не все хотят. Да и в этом году рыбы не было. И как на такую зарплату жить?»

Действительно, хотя были даже в последние месяцы на заводе высокие заработки, средняя с начала года зарплата 9.600 рублей, да вот сейчас завод выплачивает по тысяче рублей на дорожные расходы. Причем, все это, как и содержание поселка, за счет кредита. Своих денег у завода нет. Впрочем, Октябрьский РКЗ не исключение. Вся рыбная отрасль переживает кризис, и камчатское побережье, а с провалом лососевой путины положение и колхозов, и заводов еще более усугубилось. Более чем в три раза меньше сдано на завод сырка. Основная доля недопоставленного сырья приходится на «родной» колхоз им. Октябрьской революции, с которым завод живет, в сущности, одним поселком. Здесь, конечно, тоже все непросто. С одной стороны, колхоз и сам «пролетел» на лососе, но свой годовой рубеж «переплюнул», добыв 45 тысяч

гично? Вроде да. Но завод говорит: а мы в договоре ничего не обещали насчет топлива — это раз; а два — вы уж не забывайте, что когда наш флот вам передали как раз для того, чтобы завод был обеспечен сырцом. Колхозник говорит: да мне уж жить не на что — рыбы наловили, а долги никто не платит — ни много, ни мало, 160 миллионов нам задолжали, кстати, и завод тоже 31 миллион никак не отдаст. Завод говорит: а у нас вообще денег нет, берем кредиты — и на них не только живем, но еще строить стараемся — финский холодильник за зиму хотим закончить, очистные сооружения продолжаем монтировать, в этом году восемь миллионов вложили в них, закончили берегоукрепление речки. Правда, пришлось пока заморозить строительство новой котельной, да жилого дома тоже, но все-таки.

Вот так колхоз и завод могли бы спорить и спорить. И, заметьте, каждого можно понять. И невозможно встать на чью-то сторону. Я думала об этом, и пришла к выводу: все дело в том, что не должно быть той или другой стороны. Рыбная отрасль на всей Камчатке, и тем более на побережье, должна быть общей упряжкой, в которой и ослабевшего, и сильного поддержат те, кто рядом. Возможно, тогда легче будет ответить на вопрос, который сегодня, на повторном сходе, зададут октябрыцы.

Так как будем жить дальше?

А СЕГОДНЯ этого не знает никто. Если удастся договориться, чтобы энергоснабже-